

Научная статья
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-12-175-197>
<https://elibrary.ru/TXVVLD>
УДК 82-1

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Елена АПЕНКО

КОНТЕКСТ ТЕКСТА: ПАРАТЕКСТОВЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПОЭМ ДЖОЭЛА БАРЛО

Аннотация: Статья посвящена исследованию затекстовых структур в поэмах американского поэта эпохи Просвещения Джоэла Барло (1755–1812) «Видение Колумба» (1787) и «Колумбиада» (1807). По определению Ж. Женетта, паратекст как система вторичных текстов составляет неотъемлемую часть произведения литературы в целом и оказывает существенное воздействие на читательское восприятие. Проведенный в статье анализ заголовочных комплексов, предисловий и примечаний обеих поэм позволяет, с одной стороны, выявить используемые Барло средства и механизмы воздействия на читателя, а с другой — яснее увидеть смысловые доминанты, презентация которых и является целью коммуникации. По замыслу Дж. Барло в результате взаимодействия текста и всех элементов паратекста его поэмы должны были представить целостный рассказ об истории Америки «от Колумба до Вашингтона». В обеих системные отношения основного текста и паратекстуальных единиц решают двойную задачу: они работают на создание масштабной исторической панорамы и, одновременно, выполняют миссию внедрения в сознание читателей ряда философских и политических идей, обладающих не только важностью для формирования самосознания американской нации, но и сиомиунтной политической актуальностью. Вместе с тем в «Колумбиаде» паратекст становится и идейно-методическим руководством процедурой чтения текста, открыто разясняя авторские стратегии. Это позволяет утверждать, что паратекст поздней поэмы зафиксировал авторское ощущение кризиса просветительского эстетического сознания на рубеже XVIII–XIX вв. Таким образом, сопоставление паратекстуальности двух поэм, созданных с интервалом в 20 лет, демонстрирует логику исторической судьбы американской литературы эпохи Просвещения.

Ключевые слова: литература Просвещения, Джоэл Барло, «Видение Колумба», «Колумбиада», паратекст, акт интерпретации.

Информация об авторе: Елена Михайловна Апенко, кандидат филологических наук, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9530-6835>. E-mail: eapenko@yandex.ru.

Для цитирования: Апенко Е.М. Контекст текста: паратекстовые составляющие поэм Джоэла Барло // Литература двух Америк. 2022. № 12. С. 175–197. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-12-175-197>.

THE POET IN LITERARY HISTORY

Literatura dvukh Amerik, no. 12 (2022)

Literature of the Americas, no. 12 (2022)

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-12-175-197>

<https://elibrary.ru/TXVVLD>

UDC 82-1

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Elena APENKO

CONTEXT OF THE TEXT: PARATEXTUALITY OF JOEL BARLOW'S POEMS

Abstract: The paper presents the analysis of attendant texts in the poems of one of the authors of the American Enlightenment epoch Joel Barlow (1755–1812) “The Vision of Columbus” (1787) and “The Columbiad” (1807). G. Genette pointed out that paratext as a system of secondary texts is the constituent part of the totality of literary work and produces its impact upon the reader. The examination of the titles, prefaces and commentaries undertaken in the paper helps to reveal means and mechanisms used by Barlow to originate the contact with the reader, and also reach the poems’ pragmatic potential. According to J. Barlow’s intention the synergy of the text and all the paratext elements was to generate a coherent narrative of American history “from Columbus to Washington.” Comprehensive unity of the poems’ texts and their peritexts address the dual goal. First, they create a large-scale historic panorama, and on the other hand strive to implant onto readers’ minds some philosophic and political ideas having both crucial importance for the national identity formation in general, but also momentary relevance. But in “The Columbiad” paratext acquires an additional dimension of ideological and methodological guidance. The author reveals his narrative strategies defining the reading procedure. The poem’s paratext explicitly records author’s awareness of the crisis of the Enlightenment aesthetic conscience at the turn of the 18th–19th centuries. So, the comparison of paratextuality of the two poems created with an interval of 20 years at some point presents the logic of fate of the Enlightenment literature in the USA.

Keywords: Enlightenment literature, Joel Barlow, “The Vision of Columbus,” “The Columbiad,” paratext, act of communication.

Information about the author: Elena M. Apenko, PhD in Philology, independent researcher, Saint-Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9530-6835>. E-mail: eapenko@yandex.ru.

For citation: Apenko, Elena. “Context of the Text: Paratextuality of Joel Barlow’s Poems.” *Literature of the Americas*, no. 12 (2022): 175–197. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-12-175-197>.

В 1787 г. одновременно в Хартфорде и Лондоне Джоэл Барло (1755–1812), один из участников кружка «Хартфордских остроумцев», опубликовал пространную поэму «Видение Колумба». Вскоре после этого он уехал на долгие годы в Европу, занялся коммерцией и политикой, сблизился с Т. Джефферсоном, помогал Т. Пейну, писал политические памфлеты. Но он постоянно возвращался к этому своему творению и в 1793 г. издал в Париже его новую редакцию. Однако поэт не был полностью удовлетворен сделанным и в начале нового века приступил к фундаментальной переработке поэмы. Он продолжил работать над ней и после возвращения в 1805 г. в Штаты. В итоге в 1807 г. в Филадельфии увидело свет во многом новое произведение под звучным названием «Колумбиада».

Сюжетная схема, однако, принципиальных изменений не претерпела. Тоскующему в заточении, в котором он оказался после возвращения в Испанию из последнего плавания, разочарованному и уставшему Колумбу является ангел (безымянный в «Видении...», в «Колумбиаде» он получает имя Геспер), который берет его в полет к берегам Американского континента. Он представляет мореплавателю (и читателям) и доколумбову Америку, и историю освоения европейцами новых земель от завоевания Мексики и Перу испанцами до войны за независимость английских колоний. В финальных главах — книгах — ангел разворачивает перед Колумбом видение будущей прекрасной, свободной, служащей эталоном для всего человечества жизни в Соединенных Штатах Америки и пророчит победу прогресса и демократии во всем мире, убеждая генуэзца, что поэтому ему не надо горевать.

Основной переработке и расширению подверглись Книги IV–IX, и была добавлена Книга X, потому что особое внимание было уделено событиям в Северной Америке, в частности, разным этапам и битвам войны за независимость. Местами в тексте «пробиваются живо написанные эпизоды подлинной исторической жизни североамериканских колоний. Картины природы, создаваемые Барлоу, не лишены неподдельной поэтичности, возникающей главным образом в тех случаях, когда автор вводит характерно американские реалии и подробности» [Зверев 1997: 684]. Эти описания справедливо расцениваются как одно из первых проявлений тяготения к литературной самостоятельности [Зверев 1997: 684]. Вместе с тем исследователи единодушно указывают на художественную слабость и подражательность творений Барло. Однако подобной оценки с пози-

ций эстетики заслуживают едва ли не все поэтические произведения американского классицизма конца XVIII в. По мнению А.М. Зверева, «художественный инструментарий классицизма» не подходил для отображения эпохальных событий Американской революции [Зверев 1997: 686].

Хотелось бы тем не менее обратить внимание на одно обстоятельство: революционные события во Франции также вызвали возвращение классицизма на господствующие позиции в искусстве, хотя это и не привело к созданию литературных шедевров: вспомним драматургию М.-Ж. Шенье или А.-В. Арно. Сознание общественной значимости искусства, поиски соответствующих времени нового языка и образного строя — все это было присуще и русскому классицизму, явившемуся «реакцией» на эпохальные сдвиги, имевшие место в нашем отечестве в XVIII столетии. Но слава русских поэтов-классицистов, как и французских, тоже угасла достаточно быстро, и их «эпические полотна» — драмы, поэмы — уже в следующие десятилетия воспринимались как эстетически устаревшие. Поэтому, не затрагивая вопрос художественности, можно все же, как представляется, говорить о том, что в переломных социально-политических ситуациях конца XVIII в. классицизм оказывался актуальным в силу повышенной идеологической активности, гражданственности и внимания к формированию социально активной личности. Новую значимость приобретало общее стремление литературы эпохи Просвещения «развлекая поучать», т. е. ее дидактическая миссия, в результате чего авторы уделяли повышенное внимание тому, что на современном языке называется реализацией коммуникативного потенциала художественного сочинения.

Стремясь к установлению контакта с читателем, литераторы XVIII в. использовали богатый арсенал выразительных средств. Одно из них — включение в произведение разнообразных затекстовых структур: предисловий и послесловий, эпитафий и посвящений, комментариев и разного рода «приложений». По определению Ж. Женетта, отношения текста со своим паратекстом — комментирующими текстами, которые находятся вне основного повествования, но одновременно едины с ним, — очень важны для акта интерпретации. Работы коллег-русистов¹ убедительно доказывают, что анализ

¹ См., например: [Лазареску 2007; Логман 1970; Серман 2000; Чумаков 1999; Шульц 2004].

паратекста произведений XVIII столетия дает дополнительные возможности исследования процесса формирования авторских стратегий, что с одной стороны, помогает выявить средства и механизмы воздействия на читателя, а с другой — яснее увидеть смысловые доминанты, презентация которых и является целью коммуникации. Предмет данной статьи — перитекстовые составляющие и паратекстуальность поэм Джоэла Барло, которые, как и полагалось, были снабжены пространными комментариями и авторскими декларациями. Попробуем проследить, как эти паратекстуальные элементы функционируют и как задают параметры интерпретации, что, возможно, поможет и несколько уточнить характеристики американской литературы рубежа XVIII–XIX вв.

Обратимся к первому изданию поэмы «Видение Колумба». Основному тексту в нем предшествует ряд единиц паратекста: заглавие, подзаголовок, эпитафия, предисловие. Первые три могут быть определены как «заголовочный комплекс», который «в своем системном отношении становится основой смыслообразования» [Шульц 2004: 39]. Заглавие — наверное, самый значимый компонент комплекса. Оно «представляет» текст, так как тем или иным образом соотносится с сюжетом, проблематикой или персонажами произведения, а следовательно, является организующим элементом, играющим активную роль в формировании горизонта ожидания читателя. У. Эко в «Заметках на полях к “Имени розы”» даже выразил недовольство по этому поводу: «заглавие, к сожалению, — это уже ключ к интерпретации. Восприятие задается словами “Красное и черное” или “Война и мир”» [Эко 1989: 428].

Заглавие *The Vision of Columbus* коротко информирует читателя о предмете повествования. Полный смысл его раскроется лишь после знакомства с текстом, в большой степени из-за того, что в отличие от многих произведений XVIII в., подзаголовок поэмы Барло имеет не описательный характер, а лишь «классифицирующий»: «Поэма в девяти книгах». Перитекст в таком случае призван придать произведению ту или иную «статусность», указав его «архитекстуальность», то есть жанровую принадлежность и объем [Genette 1997: 4].

Сразу за подзаголовком следует эпитафия, взятый из поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» (песнь 15, строфа 32):

То ты, Колумб, нам новый мир откроешь,
 И за тобою вслед едва поспеет
 Стоглазая молва, едва хоть часть
 Твоих скитаний ей воспеть удастся.
 Пусть Бахуса с Алкидом прославляет
 В их сказочных деяньях; до тебя
 Довольно ей коснуться, чтоб наполнить
 Поэта и историка досуги... [Тассо 2007: 437]

Как и заглавие, октава Тассо номинирует героя поэмы Барло. Как отмечается, «эпиграф как элемент текста полифункционален. Основной и универсальной его функцией как в художественном, так и в нехудожественном произведении является диалогизирующая: эпиграф — один из способов диалогизации монолога, введения в него иной, неавторской точки зрения» [Кузьмина 1997: 60]. «Неавторская точка зрения» в данном случае — это определение итальянским поэтом Христофора Колумба как человека, открывшего «новый мир», чья жизнь и судьба достойны внимания и поэта, и историка. Американский поэт устами поэта итальянского заранее формирует отношение читателя к герою повествования. Кроме того, своим авторитетом Тассо явно должен «поддержать» американского литератора в его предприятии, поскольку их точки зрения на Колумба совпадают. Последняя строка “*Di poema degnissima, e d'istoria*” («достойная поэма и история») на подтекстовом уровне описывает само сочинение Барло и как будто бы имплицитно содержит его одобрение. Заголовочный комплекс явно готовит читателя к тому, что ему предстоит прочесть поэму о подвигах и открытиях Христофора Колумба. Однако прежде он должен ознакомиться с прозаическим «Введением» (“*Introduction*”) к поэме.

Предисловие к художественному произведению имеет разнообразные задачи и разную значимость. В литературных сочинениях XVIII в. предисловие — один из неотъемлемых компонентов. Чаще всего оно «выполняет функции разъяснительного текста, предшествующего собственно художественному тексту. Разъяснения в целом опираются на те нормативы, которые сформулированы в “поэтиках”» [Лазареску 2006: 112]. Однако для Барло вопросы поэтики гораздо менее важны, чем все та же «тема Колумба». Предложением «Христофор Колумб родился...» Барло начинает пространный рассказ о жизни мореплывателя. Перед нами добротная компиляция, имеющая все признаки документального очерка: свободная повествовательная

форма, отсутствие ссылок на источники, законченность рассказа. При этом текст не обладает ни поэтической образностью, ни яркостью изложения, нет и сколь-нибудь глубокой разработки образа Колумба. Его основная задача — предоставить читателю необходимую тому, с точки зрения автора, информацию.

При создании произведения практически всегда «автор должен иметь в виду некую модель возможного читателя» [Эко 2005:17]. Этот возможный читатель может быть как условным, так и реальным. «Бы-вает, что автор рассчитывает на какую-то специальную эмпирически знакомую публику» [Эко 1989: 451]. Вот и американский поэт определяет своего читателя: «Сами обстоятельства открытия и освоения Америки вызывают значительный интерес. Однако из существующе-го положения дел в литературе в этой стране² можно заключить, что многие люди, которых могло бы привлечь американское произведение подобного рода, очень мало знакомы с жизнью и характером того великого человека, чей поразительный гений привел его к открытию континента, и чьи глубокие страдания должны вызвать возмущение всего мира» [Barlow 1787: iii]. Авторская установка более чем очевидна: речь идет об *американской* словесности и *американском* произведении, адресованном прежде всего *американскому* читателю.

Во «Введении» автор создает определенный эмоциональный настрой, несколько раз повторяя мысль о том, что «нет героя в своем отечестве», и человек, подаривший миру Новый Свет, не был этим миром долгое время признан. Говоря об автопредисловиях в русских романах XVIII столетия, Ю.М. Лотман обращал внимание на присутствие в них «мысли о соучастии читателя к судьбе... героя. Причину этого видят в сенсуалистически толкуемом сочувствии» [Лотман 1997: 154]. Думается, этими словами вполне можно охарактеризовать и позицию американского поэта. И в его «Введении» проявилась «просветительская теория «естественности» искусства и читательского сопереживания» [Лотман 1997: 154].

Лишь заключительные пассажи «Введения» содержат обращение к эстетическим материям. Историзм классицистских поэм был, как известно, весьма условен. Главное, чтобы герой был реальной личностью, а давшие толчок полету творческого вдохновения события были бы значимы для истории человечества. Замысел Барло вполне

² В издании 1793 г. — «в Соединенных Штатах». Здесь и далее перевод наш. — Е. А.

удовлетворял этим требованиям. Он сообщает, что первоначально намеревался создать «правильную эпическую поэму об открытии Америки»: начать рассказ с путешествий великого испанца и довести его до революционных событий в Северной Америке. Однако потом понял, что «самые яркие эпизоды этого плана будут связаны с последствиями этого открытия» [Barlow 1787: xx], а именно, с «освоением и преобразованиями (revolutions) Северной Америки и их возможным влиянием на будущий всеобщий прогресс» [Barlow 1787: xx]. Но в такой «патриотической поэме» нарушится равновесие частей, чего «критики не простят», поэтому поэт выбрал форму цепочки эпизодов-видений. Дискретность этих видений преодолевается тем, что ангелу именно при их помощи удастся «успокоить отчаявшийся ум героя» и «убедить его, что его труды не пропали зря, и что он был создателем столь великого счастья человечества» [Barlow 1787: xx]. Поэт разъясняет суть концепции произведения и его жанровые особенности, соотносясь с нормами классицистской поэтики, но делает это коротко, явно рассчитывая, что читатели знакомы с основными ее принципами.

«Введение» не получается назвать художественным текстом, особенно памятуя о подзаголовке «поэма». Форма нарратива «отрывает» его от самого текста, делает самостоятельным, что, однако, вовсе не входит в намерения автора, поэтому он устанавливает формально-логическую связь между паратекстом и поэтическим текстом: «Предполагается, что в эти трагические дни перед смертью ему было явлено это Видение» [Barlow 1787: xix]. Поэма, в свою очередь, и начнется с описания горестного положения мореплавателя и явления Ангела. При желании она даже может быть расценена как дополнение к представленной во вступительной части информации. Подчеркнем еще раз: в центре внимания и в заголовочном комплексе, и во «Введении» находится фигура Христофора Колумба. Таковы итоги предварительного знакомства с книгой, которое читателю обеспечивает паратекст.

Как указывает «Литературная энциклопедия терминов и понятий», «особую проблему представляют взаимоотношения общего заглавия произведения с заглавиями входящих в него частей (книг, глав и т. д.), которые выносятся автором в оглавление»³. Для произведений XVIII в. характерен особый вид таких внутренних заглавий, которые

³ Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. С. 849.

помещались перед основным текстом каждой главы. В них содержался перечень описываемых в главе событий, иногда даже с авторскими комментариями. «Видение Колумба» не составило исключения. Заглавия-аннотации (“Arguments”) перечисляют события, о которых пойдет речь в той или иной книге, и обнажают логику построения текста. Вот только имя Колумба встречается в них всего три раза! Эти развернутые заглавия сообщают, что будет рассказано о природе Америки, нравах аборигенов, о государствах ацтеков и инков, об освоении Северной Америки, о конфликтах англичан и французов, о походах и сражениях повстанцев, разгроме англичан, о расцвете наук, искусств и торговли и будущем общественном прогрессе. Вводя новый материал не о Колумбе, а о «новом мире», им открытом, эти аннотации вступают в сложное взаимодействие с заголовочным комплексом. Они уточняют его смысл и «перенастраивают» читательские ожидания, чем подготавливают непосредственное восприятие поэтического текста. Они раздвигают внутренние границы произведения, выводя процесс смыслообразования на новый, более сложный уровень.

В художественной словесности XVIII в. огромную значимость имеет и такой вид паратекста, как примечания. «Многочисленные эпические и дидактические поэмы, оды, элегии, мадригалы, рассмотренные вне связи с примечаниями к ним, не могут быть поняты до конца» [Мильчина 1978: 229]. Примечания обычно предлагают дополнительные сведения из разных областей, в них писатель высказывает свое мнение по тому или иному вопросу, ведет полемику с оппонентами и т. д. В первоначальном варианте «Видения Колумба» количество подстрочных примечаний невелико. За единственным исключением они присутствуют в первых книгах и дополняют повествование о доколумбовой Америке и ее колонизации новой информацией. Поэт не только в стихах, но и в обстоятельных комментариях, самый большой из которых назван им «Диссертация» и занимает 15 страниц между второй и третьей книгами, рассказывает читателям о культуре и обычаях индейцев, о государстве инков, о его правителях и т. д.

Когда Барло подготовил в 1793 г. новое издание «Видения Колумба», заголовочный комплекс и предисловие не изменились, чего не скажешь о примечаниях. Их число значительно увеличилось, а функции стали многообразнее. Появляются примечания, которые проясняют туманные образы поэтического текста. Например, строки в Книге I «Эта водная гладь скоро прославится, / Здесь навечно закрепится имя пропавшего героя» в примечании обретают определен-

ность: «Магелланов пролив; назван так, поскольку был открыт этим мореплавателем, который первым попытался обойти вокруг света и погиб в этом плавании» [Barlow 1793: 39]. Но в большинстве своем они по-прежнему представляют собой дополнения и разъяснения исторического и географического характера и зачастую вырастают в обстоятельные комментарии. Так, использование в Книге I названия реки — Маранон, а не Амазонка [Barlow 1793: 35] — порождает подробное описание самой реки и рассказ о появлении ее различных названий. А поэтические рассуждения о Боге, человеке, его способностях и возможностях в Книге VIII продолжены прозаическим анализом ряда философских тезисов [Barlow 1793: 243–244].

«В примечаниях автор сообщал читателю о своем отношении к миру и к литературе в ином тоне и жанре, но с не меньшей ответственностью, чем в “основном” тексте» [Мильчина 1978: 229]. Действительно, в текстуальных комментариях упоминаемые в поэме явления и объекты описаны в иной тональности, художественные образы и ассоциации «переведены» на язык логики. Иная организация этих перитекстов вводит второй повествовательный голос, задача которого уже не простое «объяснение произведения», а объединение художественного вымысла и действительности в некий литературный факт, открытый для читательского восприятия. Увеличение числа примечаний в «исправленном» издании показывает, что в 1793 г. автор придавал этому уже большее, чем раньше, значение. Конечно, как всякий «просветитель», Барло стремился предложить читателю как можно больше информации и облегчал доступ к ней, поместив дополнительные сведения в подстрочные сноски. В то же время, системные отношения между текстом и этим элементом паратекста делали масштабнее и убедительнее представляемую читателю картину мира.

Таким образом, можно утверждать, что, используя и на уровне организации всего произведения тот же принцип дискретности, Барло делает перитексты составной частью его структуры, что оказывает несомненное воздействие на формирование семантики текста. Как помним, основной предмет поэтического повествования — «последствия» открытий Колумба, т. е. образование Соединенных Штатов Америки, что проторило дорогу к счастью всему человечеству. Они явлены в форме видения тому человеку, который, можно сказать, «запустил процесс», открыв новые земли, но в поэтическом тексте его фигура столь же условна, как и фигура ангела. Именно «Введение» содержит конкретику, позволяющую в процессе чтения стихов понять

причины присутствия в поэме этого призрачного образа. Примечания и подзаголовки вместе с основным текстом выводят на первый план упомянутый еще в эпиграфе «новый мир» и сами эпохальные события — «последствия». В результате взаимодействия всех элементов и должен появиться целостный рассказ об истории Америки «от Колумба до Вашингтона», что и составляет коммуникативно-прагматическое содержание поэмы «Видение Колумба». Но этим, как представляется, значимость паратекста для смыслообразования не исчерпывается.

Особняком присутствует в обоих изданиях трехстраничное примечание, помещенное в середину заключительной Книги IX. Оно имеет отношение не к конкретной строке, к которой «привязано», а ко всем последним книгам, посвященным восхвалению деяний американской революции и пророчествам грядущего счастья свободного человечества. Это примечание — развернутый политико-философский автокомментарий. Не всезнающий автор перечисляет достоинства нового мира, а лично поэт говорит о том, насколько близки ему идеи свободы и прогресса. Автор обращается к реальным обстоятельствам своей жизни и сообщает, что большая часть поэмы была написана им еще до окончания войны за независимость, и тогда он еще стеснялся изложить свои мысли в прозе. Но за прошедшее время (т. е. к 1787 г.) он убедился в том, что его позицию разделяют разные авторитетные личности, и это придает ему уверенности в правильности собственных мыслей относительно революции и общественного прогресса. Именно последний принесет пользу государственной власти и законотворчеству, «придаст Патриотизму дух филантропии, ...искоренит все виды ...заблуждений, подготовит умы всего человечества к рациональному восприятию истины, ...что создаст систему, наилучшую для счастья человечества». В итоге утвердятся «господство республиканских принципов, всеобщая цивилизация и вечный мир» [Barlow 1787: 241–244]. В парижском издании поэмы Барло прибавил слова о том, что революция во Франции укрепила его убежденность в важности «установления республиканских принципов» [Barlow 1793: 259].

Для того чтобы понять причины появления этой прямой политической декларации, приглядимся к тому культурному контексту, в котором родилась поэма. Едва был подписан Парижский договор, появилось множество разнообразных сочинений, посвященных прошедшим событиям: «Размышления о важности американской революции» английского радикала Р. Прайса (1784), «История рево-

люции в Южной Каролине», изданная в 1785 г. Д. Рэмси, «История Нью-Гемпшира» Дж. Белнэпа (1792) и др. А ставшая надолго канонической «История американской революции», написанная все тем же Рэмси, увидела свет в 1789 г., всего через два года после публикации «Видения Колумба». Обратим внимание на композиционное сходство: Рэмси пишет историю войны за независимость, но начинает «с самого начала». Первая глава открывается следующими строками: «Огромный континент, ныне именуемый Америка, 300 лет назад был неизвестен остальной части земного шара. Попытки Европы в течение XV в. открыть новый путь к богатым странам Востока привели к открытию нового мира на Западе» [Ramsay 1990: 1]. Далее следует описание географии и этнографии этого «нового мира». Только потом Рэмси переходит к рассказу о развитии английских колоний, затем представляет подробное изложение событий 1764–1776 гг. (от Акта о гербовом сборе до начала военных действий и объявления независимости). Военные действия рассмотрены в четырнадцати главах второго тома, а две последних главы посвящены итогам войны и борьбе за послевоенное устройство. При всех жанровых различиях (оставим в стороне различия идеологические) сходство конструктивных приемов организации повествований Барло и Рэмси очевидно; именно при их помощи обоими авторами последовательно эксплицируются определенные концепты того времени, которые должны войти в картину мира читателей.

Молодое государство страстно стремилось к самоутверждению, что принимало в общественной жизни самые разные формы. Интеллектуальная элита настойчиво доказывала преемственность по отношению к Старому Свету, потому, например, и выступления лидеров, и памфлеты политиков/литераторов изобиловали как ссылками на античность, так и цитатами из европейских философов нового времени. И на все лады повторялась мысль о том, что в Новом Свете начался новый, высший этап единого процесса развития человечества. Характерный пример: в мае 1807 г., за несколько месяцев до выхода «Колумбиады», Дж. Адамс в письме Б. Рашу писал о том, что в его сознании давно укоренилась идея, что искусства, науки, политика «движутся на запад»: «Еще с тех пор, когда я был ребенком, в беседах всегда добавляли, что они непременно перепрыгнут через Атлантику в Америку». Отсюда, по мнению президента Адамса, популярность в стране строчек «Восточные нации исчезают, их слава гаснет, и империя поднимается там, где заходит солнце» [Adams 1854]. Именно

в последние десятилетия XVIII в. формируется идея об особом предназначении США, которая в следующем столетии обретет чеканную формулировку “manifest destiny”.

Барло, как и другие члены кружка «Хартфордских остроумцев», как и Ф. Френо, Б. Франклин, многие другие американские литераторы того времени, расценивал творчество как способ участия в общественной жизни. Напомним, что 1787 г. был годом принятия конституции, вокруг которой шла ожесточенная политическая борьба. Рассуждения Барло доказывают, что его поэма, не прямо, но является ее частью. Таким образом, системные отношения основного текста и паратекстуальных единиц имеют двойную задачу. Они работают на создание масштабной исторической панорамы и одновременно выполняют миссию внедрения в сознание читателей, легитимизации ряда философских и политических идей, которым суждено будет сыграть огромную роль в процессе формирования самосознания нации.

Обратимся теперь к перитекстам поэмы, увидевшей свет в 1807 г. Как и основной текст, затекстовое окружение подверглось переработке, и очень разной. Некоторые подзаголовки книг были расширены в соответствии с изменениями в содержании, но принцип их организации остался прежним. Примечания из постраничных стали затекстовыми. Барло сам прокомментировал это изменение в особом предуведомлении, обозначив причину: большинство столь пространны, что слишком бы нарушали целостность поэтического текста. Задача же его в примечаниях — соединить «полезное с приятным» [Barlow 1807: 384]. И тут автор получил возможность не ограничивать себя в обширных фактологических или аналитических комментариях. Барло не только разъясняет те или иные пассажи основного текста, но пускается в рассуждения, зачастую имеющие к ним более чем косвенное отношение. Например, в Книге II он, не жалея красок и фантазии, описывает дворец Монтесумы, где росписи на стенах якобы увековечивают память о событиях, «подобно иероглифам Мемфиса» [Barlow 1807: 74]. Это краткое сравнение порождает четырехстраничное примечание об истории письменности [Barlow 1807: 390–394]. Упоминание в Книге VIII среди других знаменитых американцев Бенджамена Уэста сопровождается семистраничным комментарием [Barlow 1807: 430–436], включающим не только биографию

художника, но и длинный список его живописных и графических работ с указанием, в каких коллекциях они находятся! Появляются и размышления общего характера, преимущественно связанные с политикой (финальный комментарий текста ранней поэмы убран за ненужностью). Самостоятельность примечаний возрастает, они образуют обладающий своего рода цельностью микротекст объемом в 60 страниц, в результате чего второй повествовательный уровень, не образный, а логический, становится значительно богаче и, следовательно, активнее. Расширяется контекст реальности, из которого вырастает авторский вымысел, возрастает и его значимость при восприятии поэтической истории Америки от Колумба до Вашингтона.

Самое буквально «очевидное» изменение — смена заглавия. Новое — «Колумбиада» — значительно масштабнее, и интенсивнее, чем раннее, формирует горизонт читательских ожиданий, обладая развернутой ассоциативностью. Апеллируя к фоновым знаниям читателей, Барло создает словесную конструкцию, традиционную для названий эпических поэм со времен «Илиады» и «Энеиды». Упоминание «Лузиады» Камюэнса и «Генриады» Вольтера должно поместить его сочинение и в определенный жанровый ряд, занимавший в нормативной эстетике классицизма одно из высших мест, и в ряд конкретных «авторитетных» произведений. Этому же служит и подзаголовок, сократившийся до одного слова: «Поэма», что в свою очередь должно повысить «статусность» произведения, ведь, по мысли Женетта, «жанровая перцепция в значительной степени направляет и определяет ожидания читателей и, следовательно, их восприятие книги» [Genette 1997: 4]. Джоэл Барло изменил название, не только стремясь обозначить, что предлагает новый текст. Поэт создал единый семантический комплекс, участвующий и в смысловой, и в эстетической номинации этого текста. Читателя заранее предупреждают, что перед ним масштабная повествовательная поэма, непременно наделенная гражданским пафосом и героикой. С этим вполне согласуется эпитафия из Тассо, поэтому он сохранен и в новом варианте произведения. С этим же согласуется и то, что в новой паратекстуальной единице — «Предисловии» (“Preface”), помещенном перед «Введением» (“Introduction”), автор разворачивает свои рассуждения об эпической поэзии вообще.

«Представляется естественным, готовя произведение к публикации, объяснить его замысел», пишет Барло [Barlow 1807: v] и четко определяет основные на его взгляд свойства произведения: «“Колум-

биада” — патриотическая поэма; национальная и историческая по содержанию. Поэтому она должна быть интересна моим соотечественникам» [Barlow 1807: v]. Мягкое высказывание «Введения» к ранней поэме сменяется жестким императивом «должна быть», и вполне осознанно употреблен эпитет «национальная». Характеризуя «сюжетную основу» своего произведения, автор почти дословно повторяет то, что уже писал об «утешении Колумба». Однако далее мореплаватель лишь мимоходом упоминается в тексте. Авторские усилия сосредоточены на прояснении вопросов, связанных с проблемой презентации в эпическом сочинении реальных событий американской войны за независимость. Их трудно сделать объектом творческой обработки, поскольку возникает напряжение между жанровыми правилами и реальной историей. Барло снова, только подробнее, рассуждает о том, что из-за всеобщей известности событий ему пришлось выстроить рассказ как цепочку эпизодов. обстоятельно описывает он и еще одну трудность для поэта, создающего эпопею в новое время: необходимость использовать в поэтических описаниях слова, которых не было у древних, поскольку не было самих предметов и явлений. Оружие, способы ведения боя на суше, морские битвы как таковые — все это требует новых языковых средств. Барло доказывает, что термины «нового времени», как и сами явления, вполне могут быть уместны в батальных сценах современных поэм. Языковые материи явно интересовали Барло. С рассуждениями о неизбежности укоренения новой лексики в «Предисловии» переключается анализ эволюции английской орфографии в пятистраничном «Постскриптуме». Поэт счел полезным для читателей вникнуть в вопросы правописания заимствований из греческого и латыни, указал на правомерность отпадения «лишних» букв в окончаниях и т. д. Недаром они в юности дружили с Н. Вебстером, которому он после публикации поэмы послал отдельную копию этого текста [Buel 2011: 300].

Американский поэт отнюдь не выказывает себя как строгий последователь «буквы» классицизма: «следование правилам мало что значит при оценке реальных достоинств произведения», пишет он, шутливо указывая, что по крайней мере идеально соблюл правило трех единств: ангел Геспер разворачивает перед находящимся в темнице Колумбом некое видение в течение нескольких часов [Barlow 1807: vi]. Но центральный тезис его теоретических рассуждений безусловно принадлежит эстетике Просвещения: материал поэмы должен быть представлен в манере «наиболее поэтической» и одновременно

возвышенной и полезной. «При создании сюжетной поэмы необходимо иметь в виду две различных цели: *поэтическую и нравственную*. Поэтическая — это сюжетная основа; нравственная — это и есть настоящая цель поэмы» [Barlow 1807: vii]. Данная этико-эстетическая максима, давно выработанная европейцами, в начале XIX в. уже выглядит как устаревший трюизм. Барло, однако, считает необходимым не только растолковать ее, но и пояснить на примерах. В качестве последних выступают великие эпопеи древности — «Илиада» и «Энеида». Он, конечно, снова подсказывает читателю, к какому разряду принадлежит его творение. Но это не главное. Главное для Барло — изложить, какую, по мнению американца XVIII в., «мораль» несут читателю произведения, именно классицизмом объявленные эталонными. И суждения его оказываются неожиданными. Поэтическая задача Гомера — изображение событий, связанных с гневом Ахилла. Нравственная же — в том, чтобы «воспламенить умы юных читателей жадой военной славы; утвердить пагубную идею о божественном праве царей; научить и правителей, и простых людей тому, что военный разбой является самым почетным способом приобретения собственности; и что завоевание, насилие и война были наилучшим занятием для нации и привилегией сильных телом и духом» [Barlow 1807: vii–viii]. Вергилий, пишет Барло, прекрасно представил свой поэтический объект — переселение и обустройство героя в Италии. Но мораль «Энеиды» «почти столь же пагубна, что и в произведениях Гомера» [Barlow 1807: viii]. Римский поэт так же восхваляет военные бесчинства и подчинение повелителю. А причину этого Барло видит в том, что Вергилий «чувствовал себя подданным, а не гражданином» [Barlow 1807: ix]. Лишь другой древнеримский автор — Лукан, — по убеждению американца, выгодно отличался тем, что «был единственным республиканцем среди древних эпических поэтов» [Barlow 1807: ix]. Неназванное произведение римского поэта (судя по его описанию, это «Фарсалии») с художественной точки зрения очень несовершенно, однако в нем очевидны авторская любовь к справедливости и ненависть к войнам.

Эти рассуждения не просто являются еще одной иллюстрацией важнейшего для XVIII в. убеждения о связи этической ценности произведения с общественной значимостью его идейного пафоса. Американский поэт-классицист разворачивает критику этической составляющей античных поэм, дабы восславить идеи своего времени — необходимость защиты демократии и «мирного сосуществования на-

родов». Отношение к республике и империи, свободе и подчинению, войне и мирному процветанию — вот тот круг абстрактных вопросов, которые Барло выделяет как главные в эпической поэме как таковой. Именно их он и делает центральными в собственном сочинении. В этом смысл неожиданного утверждения во вступлении к поэме, значительная часть которой посвящена изображению реальной войны: «Дело войны лишь малая часть темы моей поэмы; поэтому оно должно составлять лишь малую часть ее материала» [Barlow 1807: xiv]; истинная, т.е. нравственная цель его поэмы «состоит в том, чтобы привить любовь к рациональной свободе, разоблачить пагубную страсть к насилию и войне; показать, что на основе республиканских принципов должны быть основаны все добрые нравы, хорошее правительство и надежды на вечный мир». Все это послужит развитию «организованной свободы как основы правления народами» [Barlow 1807: x].

За «Предисловием» следует «Введение», которое теперь содержит только биографию Христофора Колумба. В раннем сочинении автор пусть формально, но все же пытался связать прозаическую интродукцию и основной поэтический текст, в «Колумбиаде» подобное объединение оказывается ненужным. Вместо этого Барло добавил несколько абзацев о последних годах жизни мореплавателя, о его скромной могиле, о жизнеописании, составленном сыном. Автор все так же стремится пробудить сочувствие читателей к судьбе героя, только его сожаления по поводу неблагодарности человечества уже не гневные, а скорее меланхолические. Печальная ирония, по мнению Барло, в том, что открытый Колумбом континент был назван по имени его второразрядного последователя, и в том, что в Мексике ежегодно проводится фестиваль в честь «мясника» Кортеса, а имя Колумба никак не увековечено. Примечательны и заключительные слова: «Автор этой поэмы владеет его портретом, написанным маслом. Это поясное изображение в натуральную величину, копия с оригинала, находящегося в галерее Флоренции» [Barlow 1807: 18]. Снова голос реального автора, находящегося вне художественного пространства, сообщает читателю личную информацию. В результате, реорганизованная биография Христофора Колумба становится еще одним комментарием/примечанием.

Итак, паратекст «Колумбиады» явно направлен на выявление смыслового ядра поэмы. Только теперь в повествовании об истории Америки от Колумба до Вашингтона первостепенную важность имеет

не сама эта история, даже не прославление героических событий войны за независимость в Северной Америке, а конструируемый автором политически актуальный нравственный урок. «Я хочу поддержать и укрепить у молодого поколения понимание важности республиканских институтов, которые являются основанием общественного и личного счастья, и необходимы для будущего неуклонного улучшения человеческой природы» [Barlow 1807: xv]. В соответствии с авторским замыслом формируется и повествовательная стратегия. Принципы взаимодействия поэтической и прозаической частей произведения резко меняются. Автор прямолинейно эксплицирует концептуальное содержание поэмы, используя форму политической декларации, которую помещает не в примечании, а в виде «Предисловия» в «сильной позиции» в начале произведения. Более того, он указывает, что вычленение отвлеченной идеи должно стать доминирующим способом критического осмысления художественного текста в процессе чтения. «Борьба между нравованием, прямым изложением определенной системы идей и художественно-образным их выражением — таково основное движущее противоречие» литературы русского классицизма [Серман 1973: 17] — эти слова вполне могут стать характеристикой классицизма американского. В «Колумбиаде» верх одержало нравование. Но заданный механизм смыслообразования характерен скорее для публицистических жанров, нежели для поэзии. Действительно, такие перитексты, как «Предисловие» и большая часть комментирующего микротекста, имеют явную эссеистическую природу. Паратекст становится идейным и методическим руководством процедурой чтения текста, связь между ними исключительно функциональна и никак не способствует созданию художественного мира произведения.

Чтобы понять причины подобной трансформации, необходимо, как и в случае с ранней поэмой, обратиться к конкретным обстоятельствам создания произведения. В 1805 г. Барло вернулся на родину. Это был драматический момент. Внутриполитическая обстановка была крайне тревожной. Бывший вице-президент Бэрр подготовил бунт в западных штатах. Его арест и последовавший судебный процесс не разрешили накопившихся между федералистами и республиканским правительством противоречий. В центре споров о внешней политике оказалась проблема построения отношений с европейскими странами, охваченными войной. Позиции обеих партий принципиально различались, как и их военные доктрины. Президент Джефферсон был известен своими профранцузскими взглядами и сочувственным

отношением к революции, в то время как федералисты отстаивали укрепление связей с Британией, что предполагало и враждебное отношение ко всем фазам французской революции. Воинственным настроениям федералистов и их усилиям в предшествующие годы по укреплению вооруженных сил республиканцы противопоставили действия по сокращению регулярной армии и военного флота. Объявленный в итоге споров нейтралитет США по сути игнорировался и Англией, и Францией.

В эти же годы в США оформилось так называемое Второе Великое Пробуждение — философско-религиозное движение, ставшее реакцией на рационализм и скептицизм собственного деизма и радикальный антиклерикализм и атеизм французской революции. Большую роль в оформлении идейной базы движения сыграл бывший лидер «Хартфордских остроумцев» Т. Дуайт. Он, как и многие его единомышленники, был близок к федералистам и постоянно нападал на демократических республиканцев Джефферсона. У Барло же была репутация стойкого республиканца, и он не скрывал своих взглядов. Неудивительно, что бывшие друзья, такие как Н. Вебстер, отнеслись к нему с неприязнью, а одна из федералистских бостонских газет охарактеризовала его как «кровожадного якобинца», одержимого «страстью к убийству» [Buel 2011: 277]. Что касается республиканцев, то Джефферсон настаивал на том, чтобы поэт написал историю (очередную! — *Е. А.*) Соединенных Штатов после окончания войны за независимость [Buel 2011: 261]. Но поскольку «послевоенные годы» — это годы правления федералистов, очевидно, что президент ждал от Барло республиканской критики действий политических противников. Сам же поэт после возвращения внешне стремился дистанцироваться от политической повседневности, завершая «Колумбиаду». Однако окружающая политическая ситуация явно повлияла на его творческую работу. За критикой древних авторов за их отношение к войне как «наилучшему занятию для нации и привилегии сильных телом и духом» и за восхваление ими сильных правителей стоит острокритическое отношение к угрозам и вызовам начала XIX в. Отвлеченные будто бы рассуждения о творениях античности имеют вполне прозрачную политическую актуальность, отсюда их повышенная эмоциональность. Реальная война в Европе для Барло — это война с революционными идеалами и свершениями, и вовлечение в нее Соединенных Штатов может обернуться предательством основных идеалов республики. Можно вспомнить и многочисленные спекуля-

ции радикалов по поводу склонности федералистов к монархизму, поэтому настойчивое прославление республиканских принципов явно связано с концептуальными разногласиями противоборствующих партий.

Американский исследователь Генри Мэй определил последний этап развития Просвещения (1800–1815) как «дидактическое Просвещение». Он имел в виду в первую очередь идеологию и умонастроения участников Второго Великого Пробуждения, однако данное определение можно вполне отнести и к деятельности их идейных противников. Ситуация партийного противостояния неизбежно порождает стремление отстоять и распространить свои взгляды, для чего, конечно, лучше всего подходила публицистика. Барло же создал, по собственным словам, «политически тенденциозное» [Barlow 1807: vii] фундаментальное поэтическое сочинение, выполняющее заодно задачи политического манифеста и философского эссе. В чем и заключается глубинное, определившее судьбу этого произведения (как и многих других) противоречие: дискурс эпической поэзии, устремленной в вечность, и задачи актуальной политической пропаганды сочетаются плохо.

Но только ли этим объясняется стремление к «разъяснительности», столь характерное для всех перитекстов «Колумбиады»? И. Серман в статье «Временные рамки и пограничные вехи литературы XVIII века» в качестве «опознавательных знаков» начала и конца этой литературной эпохи предлагает рассматривать авторские примечания, или «объяснения» [Серман 2000: 4]. На примере русской литературы исследователь показывает, что особая необходимость в таких объяснениях возникала при соприкосновении нового и старого: и когда эстетика классицизма утверждала себя в 30-е гг XVIII столетия, и когда в начале XIX в. началась «смена одной эстетики другой» [Серман 2000: 11].

Литературная ситуация в США в первые два десятилетия XIX в. безусловно нуждается в отдельном осмыслении. Это некая «пауза», когда и классицизм, и сентиментализм были готовы уступить место новой эстетике романтизма, которая, однако, еще не «перепрыгнула через Атлантику». Быстрое забвение публикой поэзии Ф. Френо, отказ от создания романов Ч. Брокдена Брауна, пародийные писания В. Ирвинга — все это приметы кризиса. Пространные «объяснения» Джозела Барло, если под этим словом иметь в виду не только собственно примечания, но паратекст «Колумбиады» в целом, зафиксировали

то же приближение перелома эстетического сознания. «Потребность объяснить структуру поэзии возникает тогда, когда происходит распад привычных контекстуальных отношений и связей» [Серман 2000: 23]. В 1787 г. американскому автору было достаточно нескольких беглых замечаний, чтобы быть уверенным в том, что взаимопонимание с читателем установлено, в 1807 г. Барло уже осознает необходимость разъяснения своей литературной стратегии. За пафосом и многословием скрывается неуверенность. Публикация поэмы способствовала упрочению репутации Джозела Барло: он даже был принят в члены Американского философского общества. С 1807 по 1825 г. «Колумбиада» выдержала семь переизданий [Vuel 2011: 301], но после этого канула в Лету.

ЛИТЕРАТУРА

- Зверев 1997 — *Зверев А.М.* Джозел Барлоу // История литературы США. М.: Наследие, 1997. Т. 1: Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость. XVII–XVIII вв. С. 678–687.
- Кузьмина 1997 — *Кузьмина Н.А.* Эпиграф в коммуникативном пространстве художественного текста // Вестн. Омск. ун-та. 1997. Вып. 2. С. 60–63.
- Лазареску 2006 — *Лазареску О.Г.* Литературное предисловие в составе художественного текста: проблемы функционирования и смыслообразования // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2006. Вып. 8 (59). С. 111–117.
- Лазареску 2007 — *Лазареску О.Г.* Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.). М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2007. 378 с.
- Лотман 1970 — *Лотман Ю.М.* К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина (проблема авторских примечаний к тексту) // Учен. зап. Ленинград. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. 1970. Т. 434. С. 101–110.
- Лотман 1997 — *Лотман Ю.М.* Литература в контексте русской культуры XVIII века // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПб, 1997. С. 118–167.
- Мильчина 1978 — *Мильчина В.А.* Поэтика примечаний // Вопросы литературы. 1978. № 11. С. 229–247.
- Серман 2000 — *Серман И.З.* Временные рамки и пограничные вехи литературы XVIII века // Русская литература. 2000. № 4. С. 3–25.
- Серман 1973 — *Серман И.З.* Русский классицизм. Поэзия. Драма. Сатира. Л.: Наука, 1973. 284 с.
- Тассо 2007 — *Тассо Т.* Освобожденный Иерусалим / пер. с итал. В. С. Лихачева, подг. текста, предисл., коммент. А.О. Дёмина. СПб.: Наука, 2007. 715 с.

Чумаков 1999 — Чумаков Ю.Н. Об авторских примечаниях к «Евгению Онегину» // Чумаков Ю.Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб.: Гос. Пушкин. театр. центр в СПб., 1999. С. 40–51.

Шульц 2004 — Шульц Е. Заметки о заголовочном комплексе (на основе повести Александра Бестужева-Марлинского «Роман и Ольга») // Имя текста, имя в тексте: сб. науч. тр. Тверь: Лилия Принт, 2004. С. 39–50.

Эко 1989 — Эко У. Заметки на полях к «Имени розы» // Эко У. Имя розы. М.: Книжная палата, 1989. С. 427–467.

Эко 2005 — Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум. 2005. 501 с.

REFERENCES

Adams 1854 — Adams, John. “To Benjamin Rush. 23 May, 1807.” In *The Works of John Adams, Second President of the United States: With a Life of the Author, Notes and Illustrations, by his Grandson Charles Francis Adams*. Vol. 9, *Letters and State Papers 1799–1811*, 599–600. Boston: Little, Brown, 1854. <http://oll.libertyfund.org/titles/adams-the-works-of-john-adams-vol-9-letters-and-state-papers-1799-1811>.

Barlow 1787 — Barlow, Joel. *The Vision of Columbus*. Hartford: C. Dilly, 1787. <https://books.google.ru/books?id=gnhJXYaWUjkC&printsec=frontcover>.

Barlow 1793 — Barlow, Joel. *The Vision of Columbus. A Poem*. The 5th ed., corrected. Paris, 1793. <https://archive.org/details/visionofcolumbus00barlrich>.

Barlow 1807 — Barlow, Joel. *The Columbiad: A Poem*. Philadelphia: Fry and Kammerer, 1807. <https://archive.org/details/columbiadpoem00barl/page/n13/mode/2up>

Buel 2011 — Buel, Richard, Jr. *Joel Barlow: American Citizen in a Revolutionary World*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 2011.

Chumakov 1999 — Chumakov, Iurii N. “Ob avtorskikh primechaniakh k ‘Evgeniiu Oneginu’” [“On Autocommentaries to *Eugene Onegin*”]. In *Stikhotvornaia poetika Pushkina [Poetics of Pushkin’s Poetry]* by Iurii Chumakov, 40–51. St. Petersburg: Gosudarstvennyi Pushkinskii teatral’nyi tsentr v Sankt-Peterburge Publ., 1999. (In Russ.)

Eco 2005 — Eco, Umberto. *Rol’ chitatelia. Issledovaniia po semiotike teksta [The Role of the Reader: Research on Text Semiotics]*. St. Petersburg: Simpozium Publ.. 2005. (In Russ.)

Eco 1989 — Eco, Umberto. “Zametki na poliakh k ‘Imeni rozy’” [“Notes in the Margins of *The Name of the Rose*”]. In *Imia rozy [The Name of the Rose]* by Umberto Eco, 427–467. Moscow: Knizhnaia palata Publ., 1989. (In Russ.)

Genette 1997 — Genette, Gérard. *Palimpsests: Literature in the Second Degree*. Translated by Channa Newman and Claude Doubinsky. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1997.

Kuz'mina 1997 — Kuz'mina, Natal'ia A. “Epigraf v kommunikativnom prostranstve khudozhestvennogo teksta” [“Epigraph in the Communicative Space of Fiction”]. *Vestnik Omskogo universiteta*, no. 2 (1997): 60–63. (In Russ.)

Lazaresku 2006 — Lazaresku, Ol'ga G. "Literaturnoe predislovie v sostave khudozhestvennogo teksta: problemy funktsionirovaniia i smysloobrazovaniia" ["Preface as a Part of the Work of Literature: Problems of Functioning and Meaning Formation"]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, no. 8 (2006): 111–117. (In Russ.)

Lazaresku 2007 — Lazaresku, Ol'ga G. *Literaturnoe predislovie: voprosy istorii i poetiki (na materiale russkoi literatury XVIII–XIX vv.)* [Preface of the Work of Literature: History and Poetics (Based on the Materials of Russian Literature of the 18th–19th Centuries)]. Moscow: Moskovskii Gosudarstvennyi Pedagogicheskii Universitet Publ., 2007. (In Russ.)

Lotman 1970 — Lotman, Iurii M. "K strukture dialogicheskogo teksta v poemakh Pushkina (problema avtorskikh primechanii k tekstu)" ["About the Structure of the Dialogical Text in Pushkin's Poems (Problem of the Author's Commentaries to the Text)"]. *Uchenye zapiski Leningradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Instituta imeni A.I. Gertsena* 434 (1970): 101–110. (In Russ.)

Lotman 1997 — Lotman, Iurii M. "Literatura v kontekste russkoi kultury XVIII veka" ["Literature within the Context of Culture of the 18th Century"]. In *O russkoi literatury* [On Russian Literature] by Iurii Lotman, 118–167. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 1997. (In Russ.)

Mil'china 1978 — Mil'china, Vera A. "Poetika primechanii" ["Poetics of the Commentaries"]. *Voprosy literatury*, no. 11 (1978): 229–247. (In Russ.)

Ramsay 1990 — Ramsay, David. *The History of the American Revolution*. 2 vols. Indianapolis: Liberty Fund, 1990.

Serman 1973 — Serman, Il'ia Z. *Russkii klassitsizm. Poeziia. Drama. Satira* [Russian Classicism: Poetry. Drama. Satire]. Leningrad: Nauka Publ., 1973. (In Russ.)

Serman 2000 — Serman, Il'ia Z. "Vremennye ramki i pogranichnye vekhi literatury XVIII veka" ["Temporal Limits and Border Marks of the 18th Century Literature"]. *Russkaia literatura*, no. 4 (2000): 3–25. (In Russ.)

Shul'ts 2004 — Shul'ts, Eva. "Zametki o zagolovochnom komplekse (na osnove povesti Aleksandra Bestuzheva-Marlinskogo 'Roman i Ol'ga')" ["Remarks about the Title Complex (referring to Alexander Bestuzhev-Marlinskiy's Novella *Roman and Ol'ga*)"]. In *Imia teksta, imia v tekste* [Name of the Text, Name in the Text], 39–50. Tver': Liliia Print Publ., 2004. (In Russ.)

Tasso 2007 — Tasso, Torquato. *Osvobodzhennyi Ierusalim* [Jerusalem Delivered]. Translated by V.S. Likhachev, edited by A.O. Demin. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007. (In Russ.)

Zverev 1997 — Zverev, Aleksei M. "Dzhoel Barlo" ["Joel Barlow"]. In *Istoriia literatury SShA* [The History of Literature of the USA]. Vol. 1: *Literatura kolonial'nogo perioda i epokhi Voiny za nezavisimost'. XVII–XVIII vv.* [Literature of the Colonial Period and the Epoch of War for Independence, 17th–18th Centuries], 678–687. Moscow: Nasledie Publ., 1997. (In Russ.)

© 2022, Е.М. Апенко

Дата поступления в редакцию: 20.11.2021

Дата одобрения рецензентами: 20.12.2021

Дата публикации: 25.05.2022

© 2022, Elena M. Apenko

Received: 20 Nov. 2021

Approved after reviewing: 20 Dec. 2021

Date of publication: 25 May 2022